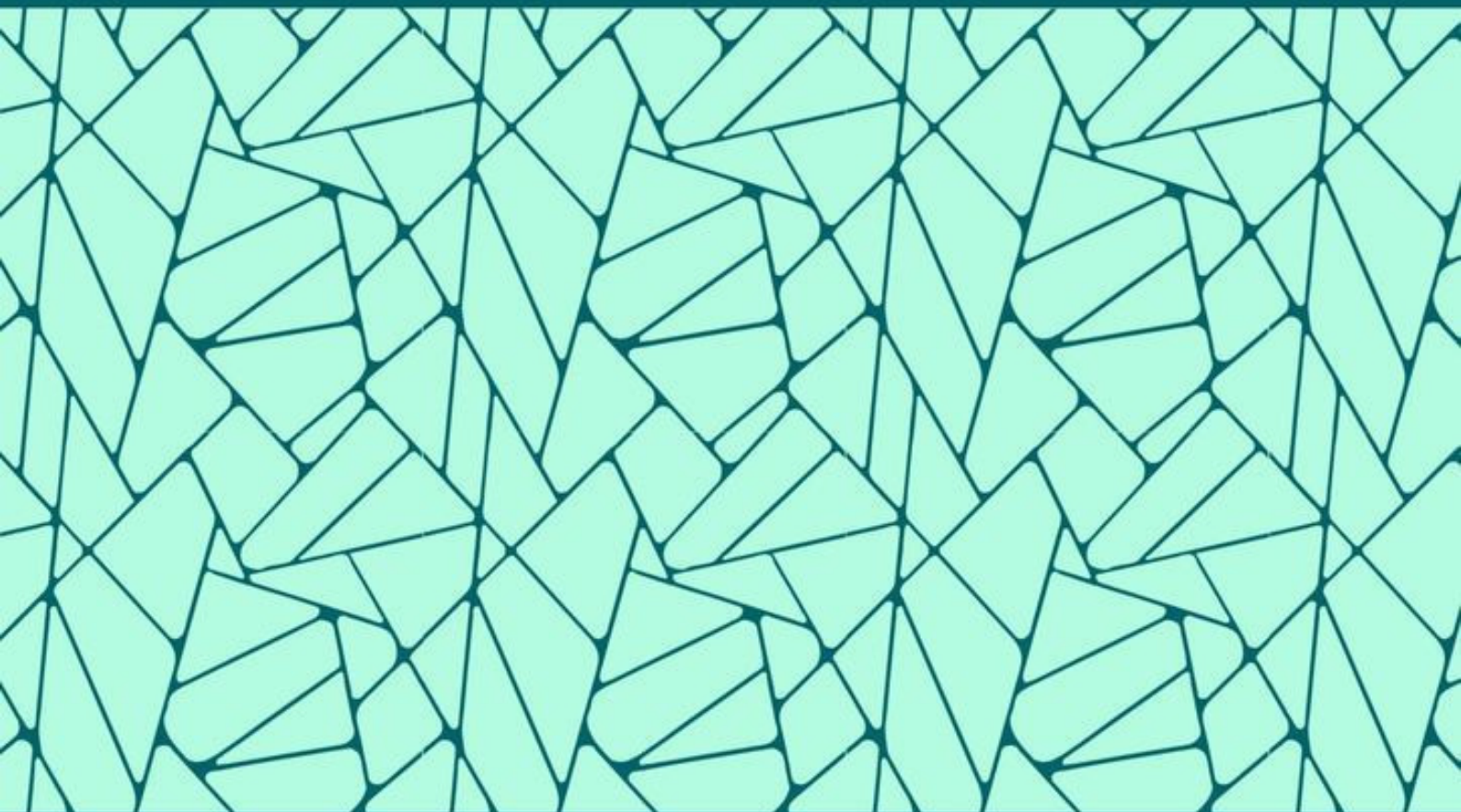

18+

Семён Ходоров

ЗАПОЗДАЛЫЕ ЦВЕТЫ

непридуманные истории

Семён Ходоров

**Запоздалые цветы.
Непридуманные истории**

«Издательские решения»

Ходоров С.

Запоздалые цветы. Непридуманные истории / С. Ходоров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513778-4

В подзаголовок книги и вынесено название «непридуманные истории». Они и в самом деле почти непридуманные и базируются на реальных фактах и событиях, произошедших с героями моих повествований в 70—90-х годах прошлого столетия. Насыщенное и многофакторное бытие моих героев предстаёт перед читателем в проекции, зеркально отражаемой реальной жизнью. Приятного и доброго Вам знакомства с ними на страницах моей книги.

ISBN 978-5-00-513778-4

© Ходоров С.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Запоздалые цветы	7
Пропавшая без вести	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Запоздалые цветы Непридуманные истории

Семён Ходоров

© Семён Ходоров, 2020

ISBN 978-5-0051-3778-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В черновом варианте эту книгу планировалось назвать простым и незатейливым названием «Рассказы». Когда же моя милая внучка Николь увидела это заглавие на экране компьютера, она воскликнула:

– Дедушка, почему рассказы, а не истории, которые ты мне всегда рассказываешь перед сном.

По этой причине в подзаголовок книги и вынесено название «непридуманнные истории». Они, и в самом деле, почти непридуманнные, и базируются на реальных фактах и событиях, произошедших с героями моих повествований в 70—90 годах прошлого столетия. С одной стороны, это были годы моей незабываемой молодости, а с другой, этот период характеризовался феноменальными и исключительными моментами, которые современная история уже не воспроизведёт. Поэтому, надеюсь, что нынешней молодёжи будет познавательно окунуться в прошлую жизнь своих родителей на фоне эпохальных реалий того времени.

По жанру написания эти истории мало похожи на задуманные рассказы. Просто, насыщенное и многофакторное бытие моих героев не укладывалось в формат короткой зарисовки. Вместо них получились небольшие повести. В них мои современники предстают перед читателем в проекции, зеркально отражаемой обыденной жизнью. Приятного и доброго Вам знакомства с моими героями, дорогой читатель!

Запоздалые цветы

Черноморские волны неторопливо разбрызгивали свои белесые локоны на балюстраду уютного ресторанчика, затерявшегося на одесском пляже «Аркадия». За одним из столиков, небрежно покрытых красно-шашечной клеёнкой, заметно выделялись две стройные высокие девушки. Пара прозрачных фужеров и серебристая бутылка лёгкого «Мартини», празднично возвышающаяся на столике, ненавязчиво намекала на неординарность события, которое отмечали эти две прекрасные леди.

– Ну, Танюша, – провозгласила её русоволосая подруга, – давай, наконец, выпьем за то, что двери храма науки, которые открылись перед нами пять лет назад, благополучно закрыли свои дубовые своды.

– Да, Наташка, – вторила ей черноглазая брюнетка, – мы пьём за нас с тобой, за законченное высшее университетское образование.

В это, окропленное солнечными лучами, утро девушкам вручили, ещё пропахшие свежей типографской краской, темно-синие корочки дипломов об окончании геологического факультета Одесского университета.

– Что сказать, Татьяна, мы с тобой начинаем настоящую жизнь, все трудности позади, перед нами маячит светлое будущее.

– Нет, Наташа, ты не понимаешь, что произошло. Нудные коллоквиумы, постылые семинары, бесконечная вереница лекций, экзаменационные сессии – всё это кануло в Лету. Впереди настоящая жизнь, в которую мы сейчас окунулись.

В этот момент, пышущие загорелой красотой, девушки весьма туманно представляли, что же такое настоящая жизнь. Они ещё не понимали, что именно студенческие годы с масштабным форматом «от сессии до сессии» и являлись незабываемым фрагментом как сегодняшнего, так и завтрашнего бытия. В этот формат неповторимым образом вписывались не только свежий и притягивающий вкус накопления знаний, не только крутой и захватывающий серпантин собственного становления, а и нежный трепет прикосновения к новому и необычному. Именно здесь, в университетском храме, в суетливой поступи студенческих буден всегда преобладало слово «впервые». Первый капустник и первый КВН, первый сабантуй в общежитии и первая практика, первый поцелуй и первый необременённый секс. И, самое главное, никем не спланированное, святое студенческое братство. Ещё наши милые девушки не знали, что настоящая жизнь с её непредсказуемыми ухабами и неожиданными рытвинами, с крутыми, полными неожиданностями, поворотами только начинается и начинается она именно сегодня.

Последние капли внезапно нахлынувшей летней грозы медленно ниспадали на брусчатку привокзальной площади. Душистый аромат белой одесской акации проникал даже на железнодорожные пути, с одного из которых скорый поезд должен был увезти Наташу в древний город Львов. Оттуда, из столицы западной Украины, ей надлежало прибыть в, затерявшийся в карпатских горах, небольшой посёлок Тисовец. Именно там располагалась геологическая экспедиция, в которой Наташе предстояло работать согласно университетского распределения. Посёлок располагался в живописной долине, окружённой покатыми вершинами лесистого хребта. В его труднораспознаваемом центре, в деревянном, похожим на большую избу, двухэтажном здании и размещалась контора экспедиции.

– Ты дывысь яка гарна билява дивчына будэ працюваты з намы, сподиваюсь мы знайдемо спильну мову, – радушно встретил Наташу главный геолог экспедиции

Ярослав Степанович Гулько, кареглазый темноволосый, с пышными рыжими усами, мужчина. Он скороговоркой объяснил смущённой Наташе, что возглавляемая им экспедиция занимается разведкой месторождений нефти на карпатском плато и что она будет составлять геологические карты предполагаемых месторождений.

Наташу поселили в бревенчатой хате, где весёлая пышногрудая, кровь с молоком, моложавая разведёнка Маричка за небольшие деньги сдавала ей комнату. До сих пор снятся Наташе, выкрашенные в красный цвет, деревянные половицы и подмигивающие лики святых, изображённых на золотистых иконах. Девственно белый цвет потолок переходил в стены не под прямым углом, а плавным закруглением. И всё это на фоне, не сочетающихся друг с другом, колеров, обозначенных на различного рода половичках, подушечках и рушниках. Несмотря на некую несуразность, хаотичность и очевидную манерность гуцульского интерьера, Наташа явственно ощущала почти осязаемую энергетику, исходившего от этого необычного убранства. Целительная энергетика тут же испарялась, когда Наташа вспоминала, что в хате отсутствуют элементарные удобства. Понятие ванной комнаты в словесном лексиконе жителей Тисовца отсутствовало по причине её физического небытия. Водные процедуры приходилось осуществлять в широкой оцинкованной лохани. При этом вода предварительно нагревалась в эмалированном ведре на сельской допотопной печи. Казалось, что с неё вот-вот соскочит дурачок Емеля, известный герой сказочного русского эпоса. Идти в туалет на простоватом диалекте сельчан называлось «ходыты до ветру», что, впрочем, суперточно отражало суть происходящего процесса. Обдуваемое всеми ветрами, ветхое, убогое, наспех сколоченное из прогнивших досок и пропахшее выгребной ямой, строение меньше всего походило на приют спокойствия и вдохновения. А, скрипящие на полусорванных ржавых петлях, деревянные двери, подпираемые огромным коричневатом крючком, в любой момент готовы были унести порывистым зимним ветром в снежное поднебесье.

Незатейливый сельский быт, который очень уж контрастировал с привычными городскими удобствами, вызывал у белокурой геологини совсем нелёгкое чувство плохо скрываемой досады. А тут ещё почти ежедневные маршруты в горы, сопровождаемые сырой тяжестью неуклюжих кирзовых сапог. При крутом подъёме на карпатское высокогорье крупные капли пота вероломно проникали под верхнюю и нижнюю одежды. Песенная романтика, воспеваемая струнными аккордами обгоревшей гитары, улетучилась в одночасье. Не было дымного уюта угасающего костра, не кичился смерековой вертикалью коричневатый альпеншток серебрястой палатки. Не подскрёбывали душу, неизвестно куда улетевшие на волнах радиостанции «Маяк», слова геологического шлягера «Держись геолог, крепись геолог, ты ветра и солнца брат». И совсем не хотелось быть братом и, тем более, сестрой ветру и солнцу. Казавшиеся в университете таинственными и полными величавого смысла слова: минералогия, петрография, тектоника, стратиграфия приобрели будничный оттенок. Они ассоциировались с никогда не прекращающимися колючими карпатскими дождями и пронизывающими холодными ветрами, зарождающимися на скальных отрогах верховинских хребтов.

Неустроенность, вопреки романтической лирике известного барда Юрия Кукина, не заменяла городской уют изящной блондинке Наташе. Неоседлый быт не то, чтобы засасывал, он наводил страх, казался зловещим и ужасающим, а по ночам просто уводил девушку в беспросветный тупик. Ещё вчера Наташа, вытянув, обтянутые в чёрные ажурные чулки, красивые длинные ноги сидела с друзьями в кафе. Она небрежно выпускала дымовые колечки, исходящие от невероятно

тонких коричневых сигарет «More», в разноцветную подсветку бара. Сегодня же по утрам она взгромождала на хрупкие плечи коромысло с ведрами, из которых на непротоптанный снежный наст расплёскивалась, набранная в колодце, ледяная вода. А по, осточертелым своей безысходностью и обречённостью, зябким вечерам раздражённо соскабливала с ненавистных сапог заскорузлую болотистую грязь.

Окружающая жизнь из всего её красочного спектра выхватывала для Наташи только серые оттенки. Надо было что-то предпринимать, чтобы вырваться из этого тоскливого и мрачного беспредела. Для начала надо было найти надёжную жилетку, которую можно было бы окропить неутешными и гремучими слезами. Носителем спасительной жилетки оказалась подруга Таня. Наташа никогда не была сильна в эпистолярии и не любила писать письма. Но это письмо получилось на удивление длинным. Просто душевный дисбаланс, внутреннее отчаяние и крик вопиющего в пустыне об оказании помощи хорошо ложатся на бумагу.

Наташкины вопли и крики были услышаны. Её письмо застало Таню в крымском посёлке Привальное, расположенном у подножия Чатыр Дага, в шести километрах от Алушты. Отсюда, где базировалась изыскательская партия, стройная и хрупкая Татьяна прокладывала параллельные маршруты по горным ущельям, долинам, оврагам и лощинам. Она отыскивала максимальную обнажённость горных пород и отложений с целью последующего производства геологической съёмки. Романтическая геология для Татьяны начиналась с детского увлечения цветными камешками, которые она отыскивала на морском побережье, с обручевских и ферсмановских книг, с захватывающих кинофильмов о геологоразведчиках. А настоящая геология началась для неё здесь на горных тропах Крыма. Ведь невозможно стать геологом, изучая эту науку только по учебникам. Таня быстро усвоила, что геологами становятся только в экспедиции. Именно здесь в Крыму, где тёплое и ласковое море встречается с жёлтым песком, горячее солнце светит ярче, а шальные звёзды становятся ближе, Таня научилась работать на скальных обнажениях и производить геологическое картирование. За несколько месяцев блуканий по горным бастионам Чатыр Дага наша Танечка с помощью специального молотка переворачивала геологические страницы Крымских гор. За несколько месяцев летнего полевого сезона, карабкаясь по скалистым горным уступам, она пропустила через себя сто пятьдесят миллионов лет геологических эпох палеозоя, мезозоя и кайнозоя. В тихие душные южные ночи Танюше снился несметный клад, который она отыскала на своём крымском полуострове сокровищ.

База геологической партии, где трудилась Татьяна, располагалась всего в десяти километрах от цивилизации. Совсем рядом золотилась кипарисная полоса южного берега Крыма, планомерно застроенная санаториями, пансионатами и лечебницами. Там хаотично суетилась, отдыхающая от трудовой повседневности, курортная толпа, жаждущая шоколадного загара, нежного морского бриза и ненавязчивого южного адюльтера. В это воскресное утро, когда южное солнце просвечивало тонкую паутину бабьего лета, Татьяна была на пляже. Голубоватое бикини призывно обрамляло её пропорционально сложенную фигуру. На жгучую и обаятельную брюнетку всегда обращали внимание галантные и обходительные мужчины. Если её настроение соответствовало этому вниманию, то Танюша легко и непринуждённо закручивала с ними, ни к чему необязывающие, романы.

Но сегодня на нежное личико Татьяны стекали мелкие прозрачные слезинки. Её сердце непроизвольно сжималось при чтении Наташкиной жалобной исповеди, которая заканчивалась словесным воплем:

– Танька, милая моя, забери меня отсюда.

Таня хорошо знала свою подругу и умела читать между строк сумбурного и не очень цельного Наташкиного письма. Сидя на живописном, обласканном черноморской волной, алуштинском волнорезе, она поняла, что Наташа находится в тяжёлой депрессии и что необходимо, как можно скорее, выводить её из этого неприкажнного состояния.

Через полчаса Таня переступила порог междугороднего переговорного пункта, который находился недалеко от городского пляжа. Она заказала телефонный разговор с Пятигорском. В то время мобильные радиотелефоны ещё не грезились даже в самых смелых и фантастических сновидениях и телефонного междугородного соединения приходилось ожидать часами.

В Пятигорске жил и работал в должности начальника Северокавказского территориального управления геологоразведочных работ Танин отец. Кирилл Петрович Ладыгин, темноволосый высокий, хорошо сложенный мужчина, руководил геологической отраслью крупного кавказского региона. Сегодня Татьяна по праву занимала третью нижнюю ступень в землепроходческой династии своей семьи. Её дед, Пётр Ладыгин, уже в начале двадцатого века входил в состав участников экспедиции, открывшей месторождение апатитов на Кольском полуострове. Таня смутно помнит, как страшно боялась дедушку-геолога из-за чёрной окладистой бороды, подозревая, что это и есть истинный Карабас Барабас из известной детской сказки про Буратино. Танины воспоминания прервал резкий голос дежурной телефонистки:

– Кто вызывал Пятигорск, прошу зайти в пятую кабину.

Уже через несколько минут Таня услышала в трубке встревоженный баритон отца:

– Привет, Танюшка, ты здорова? Что-то случилось? Не так часто ты радуешь меня своими звонками.

– Ой, папочка, я тебя целую, целую и ещё раз целую. Я тебя очень люблю и безмерно скучаю. Со мной всё в порядке, чего не скажешь о моей подруге Наташе. Её надо немедленно спасать. И сможешь это сделать только ты.

Прерывая Танин монолог, телефонистка мелодично прокричала в трубку:

– Заканчивайте разговор, заказанные три минуты истекли.

Таня скороговоркой прокричала:

– Девушка, пожалуйста, добавьте ещё минуту, я доплачу.

И уже, обращаясь к отцу, добавила:

– Папочка, милый, сделай всё возможное, чтобы мою Наталью перевели в твоё управление. Я знаю, ты сможешь, ты просто обязан. Помогии ей, я очень прошу тебя.

Телефонная мембрана резко завибрировала, посылая последние звуковые колебания невидимому абоненту, и в трубке раздались прерывистые гудки, означая конец связи.

Кирилл Петрович хорошо знал свою энергичную и решительную, не всегда управляемую дочь. Он понимал, что если его, умеющая принимать самостоятельные и непростые решения, дочка просит о помощи, значит эта помощь действительно нужна.

Таниному отцу, используя своё высокое служебное положение, не составляло особого труда своим распоряжением зачислить Наташу в отдел инженерной геологии на производство камеральных работ. Тем более, что эта должность была вакантной и тем более, что она не предусматривала участия в тяжёлых полевых работах, что очень прельщало Танину подругу. В тоже время Кирилл Петрович понимал, что, согласно действующему законодательству, выпускник университета обязан был отработать три года по месту распределения. В этих условиях получить открепитель-

ный талон для перевода на другое место работы, не имея для этого весомых оснований, являлось трудноразрешимой задачей. А таких оснований у Наташи просто не было.

С другой стороны, в стране чётко работал механизм протекционизма. Функционировала эта машина как по горизонтали, так и по вертикали, практически на всех уровнях управленческой иерархии. Этому непросто и укоренившемуся явлению было весьма заурядное объяснение. Вероятно, кто-то с кем-то ходил в один детский сад, очевидно, кто-то с кем-то дружил в школе, может быть вместе служили в армии, вполне возможно жили по соседству в одном доме, а может, поди, знай, просто связаны родственными узами.

Вот и у Кирилла Петровича близкий друг и университетский однокашник служил в Министерстве геологии и был, представьте себе, даже членом его коллегии. Ох, как не любил Кирилл Петрович просить, пусть даже близкого друга, об одолжениях, тем более не совсем законных. Но чего не сделаешь ради любимой дочери. Звонок другу, и уже через неделю на столе у Наташиного начальника экспедиции, колоритного весёлого усача, Ярослава Степановича Гулько лежало письмо с грифом Министерство геологии СССР. В письме сообщалось, что Министерство считает целесообразным перевод молодого специалиста Натальи Николаевны Черкасовой в Северокавказское управление геологоразведочных работ.

Не прошло и двух недель, как, счастливая и окрылённая фантастическими надеждами, Наташа торопливо шагала по, поднимающимся к снежным кавказским хребтам, крутым улочкам Пятигорска. Дымчатая пролысина горы Машук и, зацепившиеся за неё, причудливые облака оттеняли розовый джемпер и светло-голубые джинсы русоволосой девушки, отыскивающей в запутанном лабиринте городских переулков геологическое управление. И вот, наконец, она перед, покрытой чёрным дерматином, массивной дверью с табличкой «Ладыгин К. П. – начальник управления».

Наташу неожиданно охватило буйное волнение, которое прервал хриплый голос, бальзаковского возраста, рыжеволосой секретарши:

– Девушка, вы куда, сегодня Кирилл Петрович не принимает посетителей, разве он назначал вам встречу?

У Наташи машинально сработал инстинкт самосохранения перед грозным чербером в чёрной юбке и она тут же ответила:

– Министерство геологии направило меня к вам на работу, вот, пожалуйста, официальное письмо.

Рыжая секретарша бегло прочитала, предъявленный Наташей бланк, быстро нажала какую-то зелёную кнопку и, окинув Наташу недобрый взглядом, прокричала:

– Кирилл Петрович, к вам тут просится некая Наталья Черкасова...

Приятный мужской баритон, неожиданно оборвав свою канцелярскую помощницу на полужапе, проговорил по селектору громкоговорящей связи:

– Ирина Алексеевна, немедленно пригласите товарища Черкасову ко мне в кабинет и не окажите в любезности приготовить нам два кофе и, пожалуйста, что-нибудь к кофе.

Ошеломлённая секретарша стремительно выпорхнула из-за стола и приоткрыла перед опешившей Наташей двери хозяина кабинета.

Из-за массивного письменного стола поднялся импозантный сорокапятилетний мужчина. Сказать, что он был очень красивый, это значило бы не сказать ничего. Какая-то особая, хорошо сохранившаяся, юношеская грация и стать прида-

вали ему такой шарм и очарование, которые можно было встретить отнюдь не у многих. Высокий рост, стройное подтянутое тело, широкие плечи и узкий таз – всё было идеально в нём. Как ни старалась Наташа, украдкой осматривая его внешность, но ни единого изъяна так и не отыскала. Становилось понятным, что этот представительный брюнет с выразительными зелёными глазами, одетый в светло-серые брюки и чёрную рубашку, мог свести с ума практически любую особь противоположного пола. Такая же участь не миновала и Наташу, которая напрочь забыла, что этот обаятельный, чуть ли не сошедший с голливудских подмостков, мужчина является родным отцом её лучшей подруги. Совсем не верилось, что он, по Танькиным рассказам, пробороздил не одну сотню километров таёжных троп Забайкалья, проводил геологическую съёмку заболоченной тундры Колымы и сейчас занимался разведкой ископаемых на Северном Кавказе.

– Здравствуйте, Наташенька! С приездом на наши кавказские просторы, надеюсь, что наше управление приобрело очень ценного молодого специалиста, – весело проговорил Кирилл Петрович, стремительно окинув Наташу острым изучающим взглядом.

Перед ним стояла высокая девушка с длинными светлыми, стального цвета, волосами. Она была прекрасно сложена, с изящной фигурой, навязчиво подчёркивающей, что всё при ней. Тонкие черты нежного лица, курносый носик, чувственные, немного пухлые губы придавали облику девушки туманный налёт нерастратченной сексуальности.

Кирилл Петрович вдруг явственно ощутил, что кровь в его сосудах побежала быстрее, а в висках застучали какие-то серебряные молоточки. Из добротного замаскированных глубин подсознания стала просачиваться, давно забытая, чувственность к этой красивой женщине. Кирилл Петрович, не совсем понимая, что с ним происходит, растерянно проговорил:

– Так вот, Наташенька, завтра приступаете к трудовой деятельности, вы зачислены в отдел подготовки проектов, вас ждёт интересная и увлекательная работа в области инженерной геологии.

– Даже не знаю, какие подобрать слова, уважаемый Кирилл Петрович, чтоб выразить свою глубокую признательность за то, что вы для меня сделали, – патетически прошептала Наташа.

– Послушайте, Наташа, не надо ничего выражать, а если хотите благодарить кого-то, так это мою любимую дочь Татьяну, – не менее пафосно заключил Кирилл Петрович.

– Да вот ещё что, Наташенька, у нашего управления нет своего общежития. Я поручил своему заместителю по хозяйственной части снять для вас небольшую квартиру. Да вот беда, курортный сезон в разгаре, нет ни одной свободной жилой единицы. Прямо не знаю, что и придумать, – с грустью в голосе завершил свою тираду Кирилл Петрович.

– Ой, не волнуйтесь, пожалуйста, Кирилл Петрович. Мне не привыкать, переночую несколько ночей на железнодорожном вокзале или на автобусной станции, а там, гляди, и отыщется что-нибудь, – с напускной бравадой завопила Наташа.

Кирилл Петрович неожиданно бросил свой взгляд на, необычайно длинные, красивые и ухоженные Наташины ноги и, уже, помимо своей воли, не отрывая его от непревзойдённых женских нижних конечностей, отрывисто произнёс:

– Милая Наташа, неужели я произвожу впечатление человека, который позволил бы ночевать лучшей подруге своей дочери на улице в чужом и незнакомом городе. Может это прозвучит не совсем нравственно, но пока не подыщем вам квар-

тиру, будете жить у меня. Возражения и отказы мною даже не рассматриваются, вот вам ключи, и мой водитель немедленно доставит вас туда. Всего хорошего, до вечера.

Залитая пунцовой краской Наташа, не оставляя себе время для возможного отступления, машинально зажала в руке связку никелированных ключей и стремительно выбежала из кабинета начальника управления.

У Кирилл Петровича выдался напряжённый день. Затянувшееся совещание с начальниками отделов, просмотр текущей почтовой корреспонденции, визирование и подпись различных документов, обсуждение с главным геологом стратегии поисковых работ на следующий год и, наконец, напряжённая получасовая телефонная беседа с заместителем министра. Он вытянул из помятой пачки третью и последнюю, запрограммированную на этот день, сигарету и жадно закурил. В полузашторенное кабинетное окно несмело проникали люминесцентные отблески городских фонарей. Ненормированный рабочий день незаметно угасал, назойливо намекая, что пора уходить домой.

Уже поднимаясь по лестничному пролёту к своей квартире, Кирилл Петрович вспомнил, что дома его ждёт пустой холодильник и что, как всегда, придётся ограничиться крепко заваренным чаем. Вдруг зигзагообразная молния пробурала его мыслительные извилины. Кирилл Петрович напрочь забыл, что по ту сторону светло-коричневой двери, к которой он медленно подходил, должна находиться Наташа. Кирилл Петрович оцепенел, какое-то необычное, давно забытое волнение охватило всё его естество. Волевой и сдержанный, хладнокровный и много испытавший мужчина был взбудоражен и наэлектризован, словно нерадивый школьник перед выпускным экзаменом. Он не понимал, что с ним происходит, подсознательно догадываясь, что причиной этого непонимания является обольстительная длинноногая подруга его дочери.

Нельзя сказать, что Кирилл Петрович был обделён женским вниманием. Напротив, даже на улице обворожительные женщины бросали на его мужественное и привлекательное лицо весьма красноречивые взгляды. Однако, справедливости ради, он очень редко пользовался этим откровенным расположением к себе прекрасного слабого пола. Так уж получилось, что пять лет назад Кирилл Петрович, получив повышение по службе и вместе с ним трёхкомнатную благоустроенную квартиру, переехал в Пятигорск. И так уж сложилось, что его самая любимая женщина Светлана, являющаяся по совместительству законной женой, осталась в, построенном им, комфортабельном доме в Красной Поляне, недалеко от Сочи. Вот уже пятый год Света всё обещает переехать к нему, продолжая оттягивать время переезда на неопределённое будущее. Никак она не могла расстаться с любимой усадьбой, из резных окон которой открывалась великолепная панорама на остроконечные вершины кавказского хребта.

Кирилл Петрович несмело нажал на кнопку дверного звонка, которым никогда не пользовался. Дверь тотчас же распахнулась. Перед ним, как мимолётное видение, в чёрном строгом костюме, оттенённом светло-кремовой блузкой, и на высоких шпильках, приуроченных к бежевым лакированным туфлям, возвышалась восхитительная и соблазнительная белокурая женщина. У Кирилл Петровича, в который уже раз за сегодняшний день, возникло трепетное чувство непонятного волнения.

Он несмело переступил порог своей собственной квартиры. Из кухни доносился аппетитный, давно забытый, запах домашней кулинарии. А в гостиной, покрытый розовой скатертью, стол, на котором горели свечи, был празднично сервирован на две персоны.

– Наташенька, ни день рождения ли у вас сегодня? – весело предположил Кирилл Петрович.

– Ой, вы уж извините, что я тут похозяйничала у вас без спроса. Просто очень хотелось покормить чуткого и отзывчивого мужчину чем-нибудь вкусеньким и домашним, о которых у него, судя по всему, остались лишь одни воспоминания, – скороговоркой проворковала Наташа.

– А ещё, Кирилл Петрович, – добавила она, – похоже, что у меня сегодня, действительно, день рождения, только не моего ангела, а день рождения жизненного этапа, начало которому положили вы.

– Ну что ж, Наташенька, тогда и выпьем за вступительную увертюру этого этапа, – торжественно произнёс Кирилл Петрович, разливая по хрустальным фужерам, неизвестно откуда взявшееся, хорошо выдержанное, грузинское вино «Саперави».

Добротное вино подействовало практически мгновенно, наполняя Наташу внутренним жаром и раскрепощая, хорошо запрятанные в глубинах подсознания, необузданные желания. Скованные продолжительной неустроенностью мысли стали приобретать былую непринуждённую окраску и трансформировались в мурлыкающую тираду:

– Пожалуйста, простите меня, Кирилл Петрович, я, наверное, очень глупая девочка, но мне кажется, я умру, если сейчас же не поцелую вас.

Кирилл Петрович хотел высказаться в духе того, что умирать вовсе необязательно. Но не успел этого сделать, так как Наташа быстро поднялась из-за стола и, на ходу скидывая остроносые шпильки, повисла у него на шее, осыпая его изумлённое лицо страстными поцелуями. Он оторопел от неудержимого напора Наташиной страсти, от неописуемого и сладкого аромата бархатной и обволакивающей, давно позабытой, женственности. Её мягкие чувственные и податливые губы обжигали и гасили последние остатки какого-либо противодействия. Кирилл Петрович прошёл «Крым, рым и медные трубы». Но сегодня эти самые медные трубы излучали неповторимую и таинственную мелодию зарождающейся любви к его новой работнице и коллеге. Он старался осторожно выскользнуть от её цепких объятий, напрягая при этом последние душевные силы. Но и они покинули его, когда Наташа припала своими мягкими губами к его загорелой шее, и он случайно прикоснулся к, вздымающимся и стремящимся выскочить из-под тонкой блузочной ткани, упругим девичьим грудям.

Кирилл Петрович проснулся с первыми рассыпчатыми лучами восходящего, ещё розоватого, солнца. Изумрудные шапки вершин Пятигорья нахально заглядывали в распахнутое окно, взирая на нескончаемую вертикаль стройных Наташиных ног. Кирилл Петрович с умилением смотрел на, открывшееся перед ним, девичье очарование, к которому он осторожно прикоснулся сегодняшней ночью. Он вдруг понял: всё, что произошло до рассвета между ним и Наташей, ему не приснилось. Это было не заурядное романтическое приключением, не начало быстротекущего курортного романа и не беспорядочной связь с красивой женщиной. Это стало предвестником перемен в рутинной цепочке его однообразной, жизни.

Кирилл Петрович быстро водрузил своё поджарое тело в любимые, цвета морской волны, джинсы и в белую футболку и привычно захлопотал над приготовлением чёрного кофе, засыпанного в золотистую джезву. Мистические мысли хаотично бороздили мозговые извилины Кирилл Петровича. Вдруг одна из них, словно пробившись через каменное ограждение, пронзила всё его естество. Он чётко осознал, что эта ночь отнюдь не означала незапланированный всплеск мужских гормо-

нов. Его аналитический ум, отбросив всё лишнее, однозначно выхватил из вороха всего ненужного единственный аргумент. И этот аргумент назывался любовью. Нежданной, нерастраченной, свалившейся, как свежий снег на непокрытую голову, любовью. Кофе давно вскипел и небольшими коричневатыми струйками медленно стекал на газовую горелку. А Кирилл Петрович продолжал мучительное дифференцирование своих воспалённых мыслей, пока не пришёл к непреклонному выводу, что чувства, которые пришли к нему сегодня, он никогда ранее не испытывал. Засыпая новую порцию кофе в полубогоревшую джезву, Кирилл Петрович понял, что к нему, к великовозрастному мужчине, безвозвратно подкатывающемуся к полувековому юбилею, пришла любовь, которую можно смело классифицировать как первую.

– Кирилл Петрович, – послышался из спальной комнаты мелодичный голосок Наташи, – куда вы пропали и бросили меня на произвол судьбы.

– Милая моя, сдаётся мне, что я тебя не бросил, а наоборот приобрёл и, кажется, на всю оставшуюся жизнь, – едва слышно прошептал Кирилл Петрович.

Однако, оторопевшая и мгновенно побледневшая, Наташа, чётко расслышав каждое его слово, на затаившемся полувздохе промолвила:

– Желанный и любимый мой, Кирилл Петрович, я уверена, что у вас было немало женщин, но никто и никогда не любил и не будет любить вас так пылко и самозабвенно, как я. Доверьтесь мне, пожалуйста, и мы будем с вами счастливы.

У Кирилла Петровича перехватило дыхание от избытка, нереализованной в своё время, нежности. Едва справившись с собой, он снова впал в какую-то экпрессивную прострацию, увидев распротёртые к нему руки полностью обнажённой Наташи. Он крепко прижал, обмякшую и купающуюся в его объятиях, белокурую фею к себе и нарочито беспечным тоном произнёс:

– Вот и договорились, милая. А сейчас, марш в постель, куда через несколько секунд будет доставлен утренний кофе. И вот ещё что, с этого момента – мы взаимно влюблённая пара, поэтому немедленно переходим на ты. Я для тебя – уже немолодой Ромео, которого зовут просто Кирилл. Ну а в служебной обстановке, я – твой начальник, Кирилл Петрович.

Перед тем как слиться в долгом и затяжном поцелуе, Наташа всё-таки успела промолвить, обнажая свои лингвистические познания, фразу, которую Кирилл Петрович запомнит надолго:

– Любимый мой, Кириллик! Да будет тебе известно, что твоё имя, в переводе с греческого, означает господин или повелитель. С этой исторической минуты и до конца жизни ты – мой повелитель и господин, с этой минуты я вручаю себя тебе навсегда.

Сплошная лихорадка будничной рутины растворялась во взаимном влечении Кирилла и Наташи. Их чувства обоюдного тяготения друг к другу разгорались всё сильнее и сильнее, возносясь по немислимой восходящей линии, по которой они парили в свободном и сказочном полёте. Непомерно увлечённые друг другом, они не замечали любопытных взглядов своих коллег, которые, как водится в настоящем производственном коллективе, на каждом углу обсуждали искромётное зарево их пылающего романа. Неизвестно сколько времени продолжались бы эти пересуды и кривотолки, если бы сердобольная секретарша Ирина Алексеевна, набравшись смелости, как то не выпалила:

– Уважаемый Кирилл Петрович, простите меня великодушно, мы с вами много лет работаем вместе, поэтому, если вы сами ничего не замечаете, то осмелюсь доложить, что только ленивый не обсуждает ваши отношения с Натальей Николаевной Черкасовой.

Кирилл Петрович вздрогнул и неожиданно для себя промолвил:

– Ирина Алексеевна, я вас очень прошу сообщить вверенному мне коллективу, что в очень скором времени Наталья Николаевна изменит свою девичью фамилию Черкасова на, хорошо известную вам, фамилию вашего шефа Ладыгин.

Кирилл Петрович сидел в удобном кресле воздушного лайнера, всецело погружённый в свои нелёгкие думы. Через час самолёту надлежало приземлиться в сочинском аэропорту Адлер. Кирилл Петрович так и не придумал, как начать разговор с женой о бракоразводном процессе. Он не слышал, как миловидная стюардесса настойчиво просила его пристегнуть привязные ремни перед посадкой, как самолёт слегка качнуло при прикосновении шасси к взлётной бетонке. Кирилл Петрович продолжал размышлять, что он скажет своей Светлане, с которой прожил более двух десятков лет и воспитал свою любимую и непревзойдённую Танюшу. Он вспомнил их неказистую комнатку в университетском общежитии, где они коротали счастливые мгновения после свадьбы. Он восстановил в памяти труднопроходимые тропы, желтеющей в синей дымке, Колымы, которые они со Светой прошагали в поисках рудных месторождений. Кирилл Петрович никак не мог вычеркнуть из своего жизненного баланса стремительно пролетевшие годы, начинённые бурной и бесшабашной молодостью. И все это время он был вместе со Светой. Светлана была заметной, выделяющейся среди своих университетских подруг, красивой девушкой. Но эта броская красота, которая притягивала, как яркий маяк одинокий корабль, отдавала едва заметным холодком. От неё исходил, неприметный поначалу, налёт какой-то хорошо замаскированной сдержанности и настороженности. После рождения Татьянки Света незаметно превратилась из стройной изящной девчушки в среднеупитанную породистую женщину, которые за километр привлекают мужчин своими хорошо обозримыми округлыми и завлекающими формами. Вместе с формами изменилось или просто проявилось внутреннее содержание Светланы. У темноволосой и ироничной Светки, наделённой, как казалось Кириллу Петровичу, непреходящей романтикой неисхоженных троп, появилось какое-то обывательское отношение к окружающей повседневности. Она быстро сообразила, что работать в конторе удобнее и теплее, чем заниматься полевой разведкой невидимых ископаемых. Нет, разумеется, когда Кирилл Петрович возвращался из дальних маршрутов, его ждала вкусно приготовленная еда и по-хозяйски расстеленная постель с обязательно взбитыми подушками. Но даже в этой постели в минуты долгожданного интима, о котором грезилось на заоблачных холодных перевалах, Кирилл Петрович не ощущал, что от его супруги исходят искры душевного тепла. Между ними не пробегал тот самый химический катализатор, который бы мог ускорить или хотя бы ощутимо продвинуть искреннее и неподдельное влечение друг к другу. Они жили скорее по привычной необходимости, чем по истинному притяжению родственных душ. Все эти годы Кирилл Петрович много и тяжело работал. В тяготах и лишениях непростой жизни полевого исследователя он упорно собирал материал для кандидатской диссертации, которую впоследствии успешно защитил. Как следствие этому, быстро продвигался по служебной лестнице, пока, наконец, к неуёмной радости Светланы, не был назначен начальником геологической экспедиции в курортном городе Сочи. Кирилл Петрович не очень понимал смысл расхожей фразы «знал бы прикуп, жил бы в Сочи». Зато его Света в этом прикупе разобралась весьма профессионально. Уже через полгода после переезда, она отыскала в посёлке Красная Поляна, расположенного в пятидесяти километрах от Сочи, добротный двухэтажный дом, который по сходной цене уговорила купить своего мужа. Дом находился в живописном ущелье, окружёнными заснеженными вершинами кав-

казских гор. Его окружали вечнозелёные вековые сосны, чередующиеся коричневатыми прожилками белоствольных, тянущихся к ярко-синему небу, берёз. Светлана полюбила этот дом больше жизни, и сейчас, когда самолёт уже совершил посадку в сочинском аэропорту, Кирилл Петрович подумал, что его, пока ещё законная жена, по сути, променяла его на этот особняк. И, наверное, именно поэтому они уже пять лет не живут вместе, потеряв незримую связь, определяющую достойное бытие нормальной семьи.

На аэровокзальной площади Кирилл Петрович на удивление быстро поймал, разрисованную красными шашечками, таксомоторную «Волгу», которая, взвизгнув тормозами, стремительно помчалась к Красной Поляне. Проезжая мимо одного из высотных административных зданий, Кирилл Петрович увидел на электронном табло, высветившуюся зеленоватым неонам, сегодняшнюю дату. Календарь показывал 23 сентября. Это был день осеннего равноденствия, начало астрономической осени. Вместе с тем, это был день рождения Светланы, ей исполнилось 44 года. Кирилл Петрович прикинул, что совсем некстати сегодня объявлять Свете о разрыве их супружества. С другой стороны, оставаться ещё на один день в Красной Поляне не входило в его планы. Кирилл Петрович был полон решимости не оттягивать неприятный разговор с женой и сразу расставить все точки в проблемах, которые могут при этом возникнуть. Не успев придумать что-либо определённое, Кирилл Петрович увидел вдруг возле на небе появились уютного придорожного рестораничка лоток, за которым продавали букеты цветов. Попросив водителя остановиться, он купил для Светланы, пылающую красным заревом, охапку свежих роз.

Уже через час Кирилл Петрович стоял возле вечнозелёной кустарниковой изгороди, которая окаймляла, построенный им из сибирской лиственницы, роскошный дом. Неожиданно на него накатило, несвойственное ему, гнетущее волнение, связанное с неотвратимым разговором с женой. Стараясь погасить его, Кирилл Петрович вытянул из помятой пачки сигарету и закурил, выпуская причудливые дымовые колечки в сторону летней веранды. Но беспокойство и тревога не покидали его. Под стать его мрачному настроению на небе появились свинцовые тучи. Они незаметно сбрасывали дождевые капли на кленовые листочки, успевшие уже впитать опьяняющий запах наступившей осени.

Кирилл Петрович затушил, успевшую истлеть до самого конца, сигарету и решительно нажал на бронзовую ручку входной двери своего дома. Дверь оказалась не запертой. В центре гостиной возвышался, накрытый на двух человек, малахитового цвета, стол. На краю стола Кириллу Петровичу бросилась в глаза большая керамическая ваза, в которой атели точно такие же розы, как он держал в своих дрожащих руках. Над сплетением салатниц, селёдочниц, тарелочек и соусниц возвышалась пузатая бутылка марочного армянского коньяка «Арагат».

– Неужели это всё для меня, неужели Светлана предвидела или, ещё хуже, почувствовала, что я приеду в день её ангела, – мелькнуло в голове у Кирилла Петровича.

– Виталик, заканчивай уже свои водные процедуры, стол уже давно накрыт, пора начинать праздновать мой ..., – Светланин нежный голосок, который становился более чётким по мере её продвижения из спального будуара в гостиную, неожиданно осёкся на полуслове. Она вдруг увидела своего мужа, стоявшего в напряжённой позе со свежими розами в руках. Света прикрыла припудренное лицо руками. Она изумлённым взором, не отрываясь, смотрела на Кирилла Петровича, которому показалась, что его милая супруга находится сейчас в состоянии транса. Полновесные, эллипсоидальной формы, груди Светланы нервно вздымались в глу-

боком вырезе голубого пеньюара. Немую сцену прервал громовой бас грузного мужчины, вышедшего из ванной в розовом махровом халате. Он деловито пророкотал:

– Всё, дорогой Светик, я готов праздновать твои две четвёрки до позднего вечера, не отходя от замечательного стола, что ты приготовила.

В обладателе экстравагантного пёстрого халата Кирилл Петрович признал своего бывшего заместителя по хозяйственной части Виталия Сергеевича Ананьева, который, надо отдать ему должное, не потерял самообладания и патетически произнёс:

– Кирилл Петрович, какой сюрприз, сколько лет, сколько зим, прошу вас к нашему столу.

Беспардонная наглость Виталия Сергеевича, как ни странно, не разозлила и не вывела из себя Кирилла Петровича. Наоборот, он даже успокоился, пришёл в себя, подумав при этом, что действие развивается, как в плохом водевиле, по принципу: чем хуже, тем лучше. Вслух же он деловито отчеканил:

– Неуважаемый Виталий Сергеевич, у вас есть всего пять минут, чтобы привести себя в надлежащий вид и немедленно покинуть стены, пока ещё, моего, дома.

Светлана за всё время не проронила ни единого слова. Бесцветные слёзы, размазывая тушь на ресницах, ниспадали на голубой пеньюар, оставляя на нём мокрые прогалины. Кирилл Петрович мельком взглянул на свою жену и, с трудом подбирая нужные слова, взволнованно произнёс:

– Произошло то, что давно должно было произойти. В этом в абсолютно равной степени виноваты и я, и ты. Поэтому, буду немногословен. Я пишу заявление на развод, которое ты завтра отнесёшь в суд, полагаю, ты возражать не будешь. Относительно раздела имущества проблем не будет: я оставляю тебе дом, зловещая тень которого виновна в нашем разладе.

Светлана молчаливо кивала головой, соглашаясь во всём, что говорил её, можно сказать, экс-муж, и продолжала беззвучно плакать. Кирилл Петрович налил себе рюмку любимого коньяка, быстро влил в себя живительную влагу, обвёл расширившимися зрачками квадратуру своего бывшего дома, и, словно прощаясь с ним, грустно проговорил:

– Ты помнишь, Светлана, рассказ Антона Чехова «Цветы запоздалые». Он начинался словами «Дело происходило в одно тёмное, осеннее „после обеда“ в доме князей Приклонских». Наш же с тобой роман заканчивается почти теми же словами «Дело происходило в одно тёмное, осеннее „после обеда“ в доме геологов Ладыгиных».

Кирилл Петрович приблизился к Светлане, быстро и отрывисто поцеловал её, и, мгновенно отстранившись, вручил пламенеющие розы, грустно проронив на ходу:

– Я дарю тебе, Света, запоздалые цветы, прощай и, кстати, с днём рождения.

На следующей день ночным поездом Кирилл Петрович вернулся в Пятигорск. Прямо на перроне, отыскав телефонный таксофон, он позвонил Наташе.

– Милая моя девочка, – прокричал он в телефонную трубку, – на белом свете существуют две субстанции: это моя жизнь и ты, но тебя я люблю больше; ты делаешь меня самым счастливым человеком, если не откажешь мне надеть на твой нежный пальчик обручальное кольцо.

Телефонная трубка молчала, из её верхней части прослушивались судорожные вздохи и негромкие рыдания.

– Наташа, Наташенька, родная, что с тобой, я люблю тебя, я еду к тебе, – Кирилл Петрович яростно бросил трубку, которая, не коснувшись рычага, сиротливо качалась из стороны в сторону в сквозном привокзальном пространстве.

Уже через четверть часа взволнованный Кирилл Петрович входил в свой рабочий кабинет, процедив на ходу удивлённой Ирине Алексеевне:

– Пригласите ко мне Наталью Николаевну, и как можно быстрее.

Через несколько минут Наташа бесшумно вошла в кабинет, и покрасневшими глазами вопросительно смотрела на Кирилла Петровича. Делая заметное усилие над собой, она тихо прошептала:

– Кириллочка, мой ненаглядный, мне ничего не приснилось и не послышалось, я правильно поняла твои волшебные слова?

Кирилл Петрович быстро подбежал к Наташе, крепко обнял её за хрупкие плечи и поспешно расшифровал, сказанное ранее по телефону:

– Ненаглядная моя Наташенька, я очень хочу, чтобы ты стала моей женой, я прошу твоей руки, которую не выпущу из своей до конца жизни.

Сгорающая от любопытства, Ирина Алексеевна увидела через замочную скважину, стоящего на коленях Кирилла Петровича и Наташу, нежно целующую его в, склонённую перед ней, голову.

Через два месяца Кирилл Петрович получил по почте решение сочинского суда о расторжении его брака со Светланой. Буквально на следующий день он потащил Наташу в городское бюро записи гражданского состояния, которое тремя неделями позже официально зарегистрировало их бракосочетание. По обоюдному решению пышных торжеств по этому случаю решили не устраивать. Свадьбу отметили в уютном пригородном ресторанчике, незаметно прилепившегося к подножью горы Машук. Ввиду пикантности сложившейся ситуации, своей дочери Кирилл Петрович решил пока ничего не сообщать, отложив это на неопределённое будущее. На свадьбу были приглашены только виновники торжества: Наташа и Кирилл Петрович. Когда, далеко не юный, жених наполнил фужеры шампанским, Наташа, приложив пальчик к его губам, готовым произнести здравицу, радостно провозгласила свой тост:

– Милый мой Кирюша, ещё совсем недавно я считала, что самым счастливым днём моей жизни был день окончания университета, сегодняшний день принёс мне намного больше счастья, и я хочу, чтобы таких дней у нас было много, за тебя и за твою Наташку.

Однако радостная и возбуждённая Наташа ещё не догадывалась, что через год на её долю выпадет ещё один, не менее счастливый, день. Это будет день рождения её первенца, маленького черноволосого малыша, которого она с любимым мужем Кириллом назовут Никита.

...Прошло пять лет. Душистый запах одесской белой акации окутал розовую балюстраду приморского ресторана. За столиком, покрытым красно-шашечной клеёнкой, сидели две нарядные красивые женщины. В стройной брюнетке можно было узнать Татьяну Кирилловну Ладыгину, а в слегка располневшей блондинке – Наталью Николаевну Ладыгину. Закадычные подруги, которые ещё не знали, что являются однофамильцами, встретились по случаю пятилетия окончания университета. За столиком в бело-голубом матросском костюмчике гордо восседал ещё один человек, трёхлетний симпатичный карапуз Никита Кириллович Ладыгин. Татьяна умилённо посматривала на Наташкиного сынишку, обнаружив в его облике до боли знакомые черты, принадлежащие то ли известному актёру, то ли мужчине, которого она когда-то встречала. Мужественный и суровый геолог, Кирилл Петрович Ладыгин, имеющий самое непосредственное отношение к этой обворожительной троице, так и не нашёл душевных сил поведать своей дочери о значительных изменениях, произошедших в его непростой жизни. Так уж получилось, что это должна была осу-

ществовать Наташа, и сделать это надо было именно сейчас. Дрожащими от волнения руками она разливала по прозрачным бокалам всё тоже светлое «Мартини» и, осторожно выстраивая нужные слова в приемлемую фразу, тихо промолвила:

– Танечка, ты не представляешь, как я тебе благодарна, что ты меня вызволила их карпатского ада, в котором я пребывала несколько месяцев.

– А ещё, я тебе по гроб жизни обязана, – поспешно выпалила Наташа, – что встретила твоего отца, которого полюбила навеки и за которого вышла замуж, а также...

Наташа, не переводя участившегося дыхания, хотела продолжить свой жалостливый монолог. Но взглянув на раскрасневшееся от прихлынувшей крови нежное лицо Татьяны, на потемневшие светлые зрачки её выразительных глаз, на сплетённые, вокруг аритмично бившегося сердца, ухоженные руки, мгновенно осеклась на полуфразе.

Слегка оправившись от внезапного шока, Татьяна рассеянно оглядывалась вокруг себя, словно искала надёжную и неуязвимую опору, которая придала бы ей жизненные силы продолжить своё бытие в этом порочном мире. И она тут же нашла этот защитный оплот, когда в поле её бокового зрения попал маленький Никита. Она не поверила своим глазам: обворожительное личико Никиты, как две капли воды, дублировало благообразное лицо её любимого папочки, Кирилла Петровича Ладыгина. Таня бросилась к Никите, стремительно подхватила его на руки и крепко прижала его к груди. Она стремительно помчалась на мерный звук, журчащего совсем рядом, аккорда морского прибоя. Таня опустила Никиту на землю, и они, взяв друг друга за руки, побежали по прибрежному золотистому черноморскому песку, оставляя на нём поочерёдно большой и совсем маленький след. Бирюзовая волна медленно накатывала, на их песочные отметины, но Таня и Никита, словно убегая от неё, весело мчались по берегу, наступая на розоватые блики заходящего солнца.

Пропавшая без вести

Допотопные ходики, доставшиеся Виктору по наследству от деда, не спеша отсчитывали ночное время. Сегодня Виктор неистово желал, чтобы их стрелки, которые показывали третий час ночи, вопреки всем законам диалектики, начали двигаться назад. Согнутая в полумесяц, яркая луна беспардонно заглядывала в раскрытое окно, рассыпая желтоватые отсветы на посапывающего, трёхлетнего Дениску, сына Виктора и Елены. Леночка до сих пор не вернулась с работы, то есть не совсем с работы, а с какой-то вечеринки, которые сегодня принято называть корпоративными. Лена занимала ответственную должность директора городского архива. То ли по долгу службы, то ли в силу своего коммуникабельного характера Елена считала, что ничто так не сплачивает и не сближает производственный коллектив, как совместное застолье не в обыденной обстановке уютного рестораника или пикник на лесистом берегу загородной речушки. Да и повод для этого сегодня был весьма значительный: настольный календарь показывал восьмой день, только что наступившей, весны. Это был хлопотный для мужчин – Международный женский день. Вот и Виктор сегодня подсуетился. Он бессмысленно блуждал по парфюмерным и галантерейным отделам центрального универмага, в которых, обезумевшие от бестолковой гонки, мужики могли приобрести только дешёвую и безвкусную бижутерию. В беспорядочных лабиринтах торговых секций Виктор наткнулся на Люсю, лаборантку кафедры философии, где он преподавал диалектический материализм. В затемнённом лестничном пролёте торгового центра вертящая Люся подвела его к толстощёкой спекулянтке, у которой он приобрёл для Леночки по сходной цене французские духи «Шанель». На самом деле цена была не такая уж и сходная и составила чуть ли не весь гонорар, который он вчера получил за цикл своих статей в толстом журнале «Вопросы философии».

Виктор выглянул в окно. Ночная мгла уже не казалась такой крошечной, а на дальнем горизонте высвечивались белесые полосы грядущего рассвета. Знаменитые французские духи, завёрнутые, в перевязанную красной ленточкой, серебристую упаковку и букет пурпурных тюльпанов молчаливо дожидались Леночку, которая почему-то не спешила заполучить их. Виктор уже звонил её заместителю Геннадию Олеговичу, бестактно подняв его с постели. Тот, оторвавшись от приятных сновидений, не совсем внятно пробормотал, что вся компания в добром здравии и прекрасном настроении разошлась около полуночи. Виктор не на шутку разволновался. Он, негнуцимися пальцами накручивая телефонный диск, сделал ещё несколько звонков. Начальник отдела использования документов, рыжеволосая Дина Анатольевна и заведующая сектором комплектования, долговязая Ольга Ивановна в один голос повторили, что вечеринка прошла на высоком уровне и закончилась после одиннадцати вечера. Виктор не постеснялся разбудить ещё нескольких Леночкиных сослуживцев, все они в унисон подтверждали, что празднество завершилось между одиннадцатью и двенадцатью часами уже минувших суток и что никто не заметил, когда и куда делась Елена Александровна после выхода из ресторана.

Виктор уже не на шутку забеспокоился. Было за что тревожиться. Елена любила шумные сборища и быть в эпицентре больших компаний. Но она никогда не давала повода Виктору заподозрить её в чём-то пагубном и непорядочном. Кроме того, Леночка была маниакально точным и пунктуальным человеком, являясь на всевозможные встречи, приёмы и совещания в точно назначенное время. Воз-

вращение домой не составляло исключения. Она ещё вчера обозначила время своего прихода не позже полдвенадцатого вечера, взяв, вероятно в расчёт, что ресторан работает до одиннадцати.

Утром беспокойство Виктора достигло апогея. Он забросил Дениску в детский сад и поехал в городское отделение милиции. Немолодой капитан, которому уже не суждено было стать майором, рассеянно выслушав Виктора, отрывисто воскликнул:

– Да вы что сговорились все, за сегодняшнюю ночь уже четыре сообщения о пропавших родственниках. Впрочем, что делать, пишите заявление с подробным изложением всех известных вам фактов и данных о вашей жене, и уже через два дня наш оперативный отдел объявит её в местный розыск.

Виктор ещё не знал, что дела по розыску пропавших являются кропотливой и неблагодарной работой. Он не думал, что отделения милиции, которые завалены нескончаемым ворохом более важных расследований, занимаются ими крайне неохотно, спуская их с течением некоторого времени в разряд нераскрытых. Виктор понятия не имел, что на сегодняшний день в розыскных милицейских списках числятся более ста тысяч человек. И ещё он не ведал, что первое место по исчезновению занимают женщины, они составляют более тридцати процентов пропавших. Получалось, что в первую очередь, мы не бережём наших жён, матерей и сестёр. По своей наивной простоте Виктор ошибочно полагал, что без вести пропадают только в кровопролитных битвах на поле боя.

Вернувшись домой, Виктор увидел себя в коридорном зеркале. На него смотрел взбудораженный, с синеватыми мешками под слипающимися серыми глазами, человек. Он подумал, что вряд ли сумеет прочитать сегодня своим студентам запланированную лекцию на непростую тему «Теория познания эмпириокритицизма». Для кандидата философских наук, доцента Виктора Евгеньевича Ефремова чтение лекций в университете являлось не просто обыденной работой и не рутинной «обязаловкой», как для некоторых его коллег по кафедре. Кафедральная трибуна заменяла ему авансцену, а, взлетающая вверх своими выщербленными ступеньками, аудитория представлялась театром, в котором он являлся единственным актёром. Если артисту непременно надо было обладать талантом перевоплощения и лицедейства, то Виктор был ещё и носителем глубоких энциклопедических знаний. Сегодня же ему явно было не до театра и не до проповедования доброго, разумного и вечного. Он торопливо позвонил веснушчатой лаборантке Люсе и впервые в жизни отменил лекцию, сославшись на внезапный недуг.

Виктор познакомился с Леночкой семь лет назад. Он, тогда ещё и двадцативосьмилетний аспирант, завершал работу над диссертацией. Его научный руководитель профессор Рыжова, скептически обзревая, залатанные в нескольких местах, отечественного пошива джинсы и застиранную, неопределённого цвета, рубашку жалилась над ним и выдала ему околонаучную подработку. Подработка или «халтура», как называли её коллеги Виктора по философскому цеху, заключалась в прочтении цикла лекций по социальной психологии на курсах при городском бюро туризма и путешествий. Зачем экскурсоводам в рамках этого курса надо было сдавать экзамен по психологии, да ещё и социальной, Виктору было неведомо. Несмотря на это, он вдохновенно читал свои лекции, находя доступные слова и живые примеры в объяснении закономерностей поведения людей при их совместном функционировании. Большинство слушателей интересных лекций Виктора были представительницы прекрасного пола. Русоволосая и обаятельная Леночка, которой исполнилось тогда двадцать три года, была его самой прилежной студент-

кой. Виктор сразу выделил её из своей привлекательной аудитории. На него в упор смотрели большие и выразительные, с зеленоватым отблеском, глаза его будущей жены. Ироничный взгляд этих обворожительных глаз нарушал плавное течение мыслей Виктора, заставлял его делать вынужденную паузу в изложении материала, который он увлечённо преподавал.

Виктор вырос в интеллигентной семье, где во главу приобретаемого ставились образование, нравственные устои и духовные ценности. Отец работал заведующим хирургическим отделением в престижной городской больнице, а мать преподавала в техникуме английский язык. Маленький Витя не посещал детский сад, получая первоначальные мирские сведения из множества, тщательно подобранных заботливой мамой, детских книжечек, которые ему с упоением читала образованная няня-гувернантка. В подростковом возрасте он не входил в дворовые компании, не играл в футбол, как следствие этому, не разбивал стёкла у соседей, не ругался матерными словами и не курил, подобранные на улице сигаретные «бычки». В противовес этому, Виктора обучали играть на скрипке, он серьёзно занимался шахматами и посещал кружок художественного слова в городском Дворце пионеров. Виктор получил канонически благопристойное воспитание, превратившись, к моменту окончания школы, из очкарика-отличника в порядочного молодого человека. Он без особого напряжения поступил на философский факультет, готовя себя постигать диалектическую механику окружающего мира и стать, в конечном итоге, мудрецом, умеющего сделать людей счастливыми.

В то время, как сверстники Виктора стали заглядываться на своих одноклассниц, он продолжал опустошать книжные полки районной библиотеки, неистово впитывая в себя, малопонятные, но захватывающие его буйное детское воображение произведения Артура Шопенгауэра, Фридриха Ницше и Жан Поль Сартра. Только в десятом классе он стал замечать, неожиданно появившиеся, округлые формы своих ровесниц. Виктор отчаянно и безответно влюбился в хорошеющую не по дням, а по часам закоренелую двоичницу Катю, случайно увидев в раздевалке перед уроком физкультуры её маленькие и упругие груди. Влюблённость быстро прошла, но почти до самого окончания университета Виктору продолжали сниться запретные эротические сны, которые заканчивались внезапным пробуждением от непроизвольных поллюций, расслабляющих его ранимую психику. В университете он всецело был поглощён учёбой, оставаясь чуть ли не единственным девственником в этом храме науки. Понятно, что он не жил в стерильном вакууме и видел, что по ту сторону разграничительного барьера, который он сам себе соорудил, существуют прекрасные особи противоположного пола. Однако начинающий философ не предпринимал никаких шагов знакомства с ними, не представляя, как это сделать.

Долгожданное начало этому взаимодействию положила благодарная слушательница его лекций, очаровательная Леночка Афонина. Так получилось, что Виктор Евгеньевич сразу же заворожил её своими интересным и увлекательным изложением сложного и ранее неведомого ей предмета. Да и в самом лекторе Лена разглядела необычного и открытого, нетронутого жизненной грязью, непорочного и ультрачистого человека. За её спиной было только десятилетнее школьное образование с большинством удовлетворительных «троечек» в аттестате. Несмотря на это, она обладала острым аналитическим умом и прирождённым умением управлять, организовывать и располагать к себе. Апологет Платона, Гегеля и Канта, высокий, с правильными чертами фотогеничного лица, Виктор Евгеньевич как-то сразу запал Леночке в душу. Она догадывалась, что он был дилетантом в формировании каких-либо отношений с женщинами. Леночка решила устранить этот пробел в образова-

нии своего наставника. Недолго думая, после очередной увлекательной лекции, она подошла к Виктору и кокетливо произнесла:

– Виктор Евгеньевич, у меня накопилось к вам много вопросов, мне далеко не всё понятно в ваших прикольных лекциях, когда у вас консультации или, может быть, вы даёте частные уроки.

Виктор вздрогнул от жгучего и искрящегося Леночкиного взгляда и, неожиданно для себя, промямлил:

– Как вы называли мои лекции? Прикольными. Весьма любопытное слово. Что же касается консультаций и частных уроков, то они просто не предусмотрены учебным планом.

Так получилось, что они вместе вышли с аудитории и так сложилось, что вскоре вместе оказались на оживлённой и шумной городской улице. Лена, напористо отрезая Виктору пути возможного отступления, непрерывно задавала ему вопросы по изучаемому курсу, на которые он, постепенно воодушевляясь, давал обстоятельные ответы. Они шли вместе по заснеженному мегаполису, испещрённому стальным серпантинном трамвайных рельс и беспорядочной паутиной троллейбусных проводов. Вечерняя неоновая подсветка рекламных вывесок озаряла их лица салатowymi отблесками. Одухотворённый Виктор не умолкал ни на минуту, ненавязчиво погружая Леночку в запутанный хаос концепций эмпиризма, мистицизма и экзистенциализма. В лице своей прелестной спутницы Виктор нашёл внимательного и благодарного слушателя, которая всё больше и больше проникалась к нему искренним уважением и симпатией. В немногочисленных паузах своего длительного монолога он поймал себя на крамольной мысли, что никогда в жизни ему не было так хорошо и спокойно, как сегодня с этой привлекательной девушкой. Леночка, боясь поскользнуться на заледенелых тротуарах, попросила Виктора разрешения взять его под руку. Когда она поворачивалась к нему лицом, чтобы что-то спросить, он впервые ощущал горячее дыхание женщины, находящейся так близко от него. Виктор захотел прикоснуться к ней, взять за руку и согреть её. Но в силу своего пуританского воспитания трепетал даже от зародившейся мысли об этом.

Густой снег обволакивал силуэты городских каменных строений белесой пеленой. Падающие ажурные снежинки касались одухотворённых лиц Виктора и Леночки. Быстротекущее время остановилось для них. Виктор предстал сейчас перед Леночкой не актёром, надуманных им, философских подмостков, а неким монстром неведомых ей знаний. В то же время она отчётливо осознавала, что всей душой тянется не только к тому новому мирозданию, которое открывал перед ней преподаватель, а и к самому Виктору.

Незаметно они приблизились к малоприметной трёхэтажке, где проживала Леночка. Она с откровенным нежеланием, освободив свою руку из-под руки Виктора, проникновенно сказала:

– Спасибо, Виктор Евгеньевич, за неповторимый вечер, который я неожиданно получила в подарок, я его никогда не забуду.

Пока растроганный и взволнованный Виктор собирался с мыслями, которые беспорядочно бултыхались в его голове, Леночка, приподнявшись на цыпочках, нежно прикоснулась к его холодным губам и неторопливо привлекла их к своим пухлым устам. Виктор мгновенно ощутил, неведомую ранее, сладкую истому, которая живительным нектаром разлилась по всему телу. Иррациональное начало, заложенное в детстве, пригвоздило Виктора к снежному насту, и он, словно боец на строевом плацу, продолжал стоять по стойке «смирно». Леночка быстро отпрянула от него и,

помахав на прощание зеленоватой варежкой, быстро побежала к подъезду своего дома.

Виктор возвращался домой на тарахтящем допотопном трамвайчике, и всё никак не мог прийти в себя от ожога горячего поцелуя, которым наградила его Леночка. Никогда в жизни он не испытывал столь приятного прикосновения. В данный момент Виктор напрочь забыл о гносеологических корнях глобальных философских концепций Аристотеля, Платона и Сократа. Ему в голову проникали запретные мысли, на которые его строгая мамочка ещё в юношеские годы наложила вечное табу. Виктор ещё не знал, что ровно через два месяца с дрожью в голосе объявит ей, что женится.

При первом же взгляде на Леночку будущая свекровь поняла, что интеллект её возможной снохи неуклонно приближается к абсолютному нулю. Когда же она узнала, что Леночкин отец работает слесарем в домоуправлении, а мать – надзирателем в женской тюрьме, то пришла в неописуемый ужас, следствием которого явился срочный вызов скорой медицинской помощи. Однако Леночка сумела растопить её холодное сердце своим весёлым нравом, общительным характером, жизнерадостием, неуёмным желанием прийти на помощь, а главное, своим искренним неравнодушием ко всему, что касалось её любимого сына. Безошибочным женским чутьём она быстро поняла, что более преданного и близкого человека Виктору не найти и именно такая женщина всю жизнь будет его светлым гением.

Леночка, действительно, была светлым человеком. Лицо её всегда сияло весенними лучами лесного солнышка, распахнутая душа была открыта невзгодам и радостям, а сострадательное сердце раскупоривалось в момент, когда людям требовалась незамедлительная помощь. Леночка, действительно, была почти гениальной. Она в короткое время прочитала гору специальной литературы, рекомендованный список которой тщательно составил Виктор, решивший заняться расширением её кругозора. По его требованию на каждую прочитанную книгу Леночка писала развёрнутую рецензию. Просматривая, написанные ею,opusy, Виктор с приятным изумлением обнаружил, что у его жены налицо имеется, нет, нет, не божья искорка, а целое пламя литературного дарования. Писательский талант, который ранее был тщательно спрятан и завуалирован в самых дальних тайниках Леночкиного естества, прорвался наружу. Виктор по праву считал себя первооткрывателем призвания своей подруги. Он быстро подготовил её к вступительным экзаменам, она легко прошла творческий конкурс, без особого напряжения поступив в университет на факультет журналистики. Просвещённая свекровь была просто ошеломлена её успехами, честно признавая, что коэффициент умственных способностей (IQ) у Леночки гораздо выше, чем у неё. Когда на свет появился миловидный карапуз Дениска, Леночка перевелась на заочное отделение и начала работать в городском архиве, куда её устроила, уже не чаявшая в ней души, мать Виктора. Через некоторое время Леночка поступила в ряды коммунистической партии, не столько по убеждениям, сколько ради карьеры. И, как оказалось, совсем не зря. Привлекательная, образованная, наделённая организаторскими способностями, молодая женщина была замечена как в муниципалитете, в структуру которого входил архив, так и в горкоме партии, в подчинение которому входил весь город. Когда пожилой директор архива вышел на пенсию, Леночку, самую молодую сотрудницу их офиса, неожиданно назначили на его место. В подчинении у неё оказались работники, в два раза превышающие её юный возраст. По правде говоря, Леночка давно решила, что уволится с этой престижной должности с тем, чтобы перейти на журналистскую работу на телевидение или в газету. Но тут грянула перестройка и глас-

ность. В связи с раскрытием недоступных простым гражданам секретных документов, архивные учреждения оказались значимыми подразделениями в реализации горбачёвских реформ. Леночка, продолжая не без успеха руководить своим учреждением, периодически публиковала в местной и центральной прессе злободневные остросюжетные статьи, напрямую связанные с перестроечными преобразованиями. И снова её личность не прошла мимо внимания руководящих партийных органов. Она, став заметным человеком в городе, была избрана депутатом муниципалитета. Мэр города предложил ей должность своего пресс-секретаря, от которой Леночка категорически отказалась, справедливо полагая, что её журналистское кредо не предназначалось для освещения деятельности только одного человека, пусть даже такого важного, как градоначальник.

Прошло два месяца с момента исчезновения Леночки. Виктор впал в тяжёлую депрессию, неприкаянно бродил по опустевшей квартире и невпопад отвечал на вопрос маленького Дениски, когда же, наконец, придёт его мама. Вчера он получил письмо из прокуратуры, куда были переданы все материалы по розыску Леночки. В письме сообщалось, что сотрудниками милиции был составлен специальный протокол с подробным описанием её примет, были получены (неведомо от кого?) объяснения по обстоятельствам исчезновения, произведён осмотр места жительства и места работы, проведена проверка с неопознанными трупами в моргах, опрошены лица, находившиеся с ней в ресторане. Ещё через несколько месяцев та же прокуратура сообщила, что проведённые оперативные мероприятия не привели к положительным результатам и дело передано в федеральный розыск.

Вылечил Виктора от депрессии его коллега по аспирантуре, ставший после защиты диссертации успешным и известным в городе психологом. Придя в себя, Виктор понял, что все действия милиции и прокуратуры носят формальный и поверхностный характер. Необходимо было самому, не надеясь на правоохранительные органы, искать другие решения этой непростой проблемы. Ведь Леночка пропала не в дремучем лесу, не в каменистой пустыне и не в бушующих морских волнах, а в большом современном городе, на глазах людей, возможно видевших её в момент исчезновения. В то время ещё не было частных детективных агентств, и Виктор возложил на себя их функции. Переговорив со всеми Леночкиными сотрудниками, ему удалось выяснить, что она вышла из ресторана на несколько минут раньше остальных. При этом она, попрощавшись со всеми сразу, скороговоркой произнесла:

– Простите, что покидаю вас, но меня ждут.

Кого имела в виду Леночка, оставалось тайной. Виктор побеседовал также со всеми работниками ресторана. И вот удача, шеф-повар этого увеселительного заведения видел из окна, как в коричневую «Волгу» садилась женщина, одетая в голубое пальто, ворот которого был повязан розовым шарфом. Всё совпадало: Леночка очень любила сочетание голубого цвета с розовым, и её пальто и шарф были именно такими. Совпадений быть не могло. Но как отыскать коричневую «Волгу» в многомиллионном городе, несмотря на то, что этот цвет являлся нестандартным: Виктор никогда не видел машин, окрашенных в такой колер. Помог Виктора отец, который полюбил Леночку, пожалуй, не меньше, чем его сын. Он вспомнил, что один из его пациентов, которого он недавно успешно прооперировал, был милицейским генералом. На следующий же день он связался с этим высокопоставленным офицером. Через некоторое время генерал пригласил хирурга в своё управление. Беседа была совсем недолгой. Генерал встревожено посмотрел на своего собеседника и глухо выдавил из себя:

– Мои люди выявили, что коричневая «Волга» приписана к комитету государственной безопасности. При всём огромном желании помочь вам, у меня нет ни полномочий, ни возможности каким-либо образом получать информацию из этого ведомства. Прошу меня простить и очень прошу, чтобы всё сказанное осталось между нами.

Но между ними не осталось, поскольку наивный Виктор написал письмо в эту суровую и грозную контору с изложением всех известных ему фактов. Через некоторое время он получил лаконичный ответ о том, что органы безопасности не располагают информацией об исчезновении Елены Сергеевны Афониной. У Виктора не было весомых оснований не верить отечественной контрразведке, но в самых удалённых тайниках его подсознания поселился червь сомнения, который прятался там продолжительное время.

...Прошло десять лет. Виктор жил аскетической жизнью философа-отшельника, отдавая оставшиеся духовные силы воспитанию Дениса. Несмотря на то, что он был избран по конкурсу заведующим кафедрой, написал учебник и несколько монографий, полностью посвящая себя научному творчеству, скоротечное время не залечило душевную рану. Она лишь перестала кровоточить, постоянно реагируя на невидимые штрихи, рисующие незабвенный образ Леночки.

В один из дней Виктор был приглашён на философский конгресс в качестве основного докладчика на пленарном заседании. Симпозиум проходил в Израиле, земля которого по религиозным канонам именовалась святой. Работу конгресса широко освещали израильские газеты. Так получилось, что в русскоязычной газете «Новости» намеривались опубликовать интервью, взятого у Виктора в перерыве между заседаниями. Его пригласили в здание редакции, располагающегося на живописной тель-авивской набережной, подписать гранки этого интервью, которое завтра должно было появиться на страницах этой уважаемой газеты. Ожидая редактора, Виктор не спеша перелистывал подшивку прошлых изданий еженедельника, обращая внимание на броские заголовки статей, набранных цветным типографским шрифтом. Продолжая перевёртывать газетные страницы, он поймал себя на мысли, что нечто до боли знакомое промелькнуло перед ним несколько секунд назад. Вернувшись назад, к уже просмотренным страницам, он мгновенно почувствовал, как за пределами сузились его кровеносные сосуды, как закружилась голова и как сжалось в крохотный комочек его, не совсем здоровое, сердце. С газетного разворота на него смотрела Леночка, привычно растягивая свои пухлые губы в озаряющую проницательную улыбку. Кое-как справившись с собой, Виктор прочитал название статьи «Русское гетто на земле обетованной» и подпись под ней: Елена Афонина. Подоспевший главный редактор, взглянув на его, покрывшееся нездоровой белизной, бородастое лицо, отрывисто спросил:

– Виктор Евгеньевич, что с вами, вам не здоровится, может быть что-нибудь расширяющее.

Не отрывая от Виктора обеспокоенного взгляда, он быстро извлёк из сейфа бутылку с матовой чёрной этикеткой, наполнил рюмку французским коньяком и протянул её учёному-философу. Виктор, никогда в жизни не потреблявший крепких спиртных напитков, не раздумывая, залпом выпил порцию марочного коньяка, приведя себя, к своему крайнему удивлению, в исходное состояние. Затем, не узнавая фальцетный тембр своего голоса, Виктор не совсем внятно прошептал главному редактору:

– Откуда в вашем еженедельнике фотография Елены Афониной?

– Да это же наша журналистка, очень талантливая и красивая женщина. Нам рекомендовали её из самой Москвы, из редакции «Литературной газеты». Она появилась у нас столь же внезапно, как и ушла, ушла навсегда.

У Виктора шумело в голове, какие-то невидимые молоточки отстукивали в ней дребезжащие звонки. Виктор не знал, что десять лет назад люди из всемогущих органов госбезопасности попросили Леночку поработать в израильской газете, добывая при этом интересующую их информацию. Внедрить Леночку в средства массовой информации Израиля не представляло особой сложности: это было время массовой репатриации советских евреев на историческую родину. Леночка получила необходимые инструкции и заверения, что её неожиданная командировка продлится не более трёх месяцев. Виктор не знал, что люди из органов сыграли на беззаветной преданности Леночки своему отечеству, пообещав ей при возвращении место главного редактора в крупной газете и небывалое денежное вознаграждение. Впрочем, для Елены карьера и деньги были на два порядка менее важны, чем абсолютная и самоотверженная любовь к отчизне. Виктор не знал, что ей было строжайше запрещено сообщать родственникам об отъезде, и, поэтому, её повезли в аэропорт, внезапно посадив в машину при выходе из ресторана. И ещё Виктор не ведал, что Леночке было обещано известить её семью о внезапном отбытии как только это будет возможно. Вероятно так бы оно и было, если бы не трагическое обстоятельство, о котором поведал ему главный редактор.

Он рассказал Виктору, что получив очередное редакционное задание, Елена поехала в приморский курортный город, недалеко от Тель-Авива. Она должна была подготовить репортаж о работе и жизни обслуживающего персонала (горничных, официанток, ремонтников) фешенебельной пятизвёздочной гостиницы «Луна», расположенной на берегу Средиземного моря. Подавляющее большинство этих работников составляли выходцы из Советского Союза. Именно в это время в Израиле бушевала «интифада». Слово «интифада» в переводе с арабского означает восстание. Это было движение сопротивления палестинских арабов против Израиля, которая проявила себя в диких зверствах против мирного еврейского населения. Один из чудовищных террористических актов этой интифады как раз и произошёл в гостинице «Луна», где в этот момент находилась Елена Афонина. После серии многочисленных бесед с работниками отеля, она спустилась в бар ресторана выпить чашечку крепкого эспрессо. Примерно в это же время арабский террорист-самубийца вошёл в лобби этой гостиницы. В распоряжении террориста был мощный заряд взрывчатки, уложенный в чемодан. На нём был светлый костюм, шляпа и очки. Охрана отеля не обратила на него внимания, приняв, очевидно, за обычного туриста. Террорист миновал бар, где пила кофе Елена, и вошёл в банкетный зал. Бар являлся частью этого зала, в котором в этот вечер собрались около 250 человек для того, чтобы отметить праздник Пейсах. Остановившись у стойки бара, террорист незамедлительно привёл в действие взрывное устройство. В результате погибло тридцать человек, 140 было ранено. Среди погибших, к большому несчастью, оказалась и наша журналистка Елена Афонина, вечная её память.

Погасив сигару в кремовой пепельнице, имеющей форму ползущей черепахи, редактор «Новостей» закончил своё печальное повествование. Он взглянул на, убитого горем, Виктора, и тихо спросил:

– А кем приходилась вам Елена?

Виктор, с трудом разжимая пересохшие губы, едва слышно прошептал:

– Леночка – это моя жена, которую я безумно любил, люблю и буду любить всегда.

Шеф еженедельника снова наполнил рюмки коньяком и, наклонив, начинающую сесть, голову к столу, глухо продекламировал четверостишие, неизвестного Виктору, поэта:

**– Да будет пухом белым для тебя земля,
Пусть ангелы хранят тебя на небе,
Мы помним, любим, по тебе скорбя,
Но до сих пор никто не хочет верить.**

Залпом опрокинув рюмку тонирующей светло-коричневой жидкости, к которой Виктор даже не притронулся, он подхватил его под руку и вывел в редакционный дворик. Там усадив Виктора в салон белоснежной «Субару», редактор повёз его к высотному зданию отеля «Луна».

Через полчаса они вошли в изысканный светлый холл роскошной гостиницы. Ничего не напоминало здесь о трагедии, произошедшей десять лет назад. В мерцающем свете золотистых люстр Виктор увидел бордовую поверхность стойки бара. За ней зеленоватыми и коричневыми тонами переливались стёкла бутылок, наполненными вином, виски, коньяком и другими напитками. Русские ребята из ремонтной службы гостиницы смастерили небольшую никелированную чашу, которую прикрепили к нижней части барной стойки. Теперь каждый год Виктор с сыном Денисом приезжают в Израиль и бережно укладывают в эту самодельную вазочку охапку ярко-красных тюльпанов, которые так восторженно любила Леночка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.